

Оставшийся с даосом Яном, Фэн Жун некоторое время задумчиво размышлял над своими словами и действиями, наблюдая за скачущими майнами. Пусть они были приучены к поместью, из клеток птиц не выпускали: вольеры, однако, были настолько велики, что туда можно было загнать десяток слуг — и осталось бы место. Несмотря на снег и холод, майны чувствовали себя хорошо: они весело скакали по веткам, пели на разный лад и время от времени смачивали перья в горячей воде, чтобы не мерзнуть. Их жизнь в самом деле была хороша.

Фэн Жуна же одолевали сомнения: все его поступки были искренними и не несли за собой большего, чем являлись — однако такие люди как Фу Ичжэнь или Ли Инчунь все видели по-своему и, придумав собственный смысл, делали неожиданные выводы. Неужели господин Ли в самом деле посчитал, что наймом учителя ему хотели указать его место? Фэн Жун разочарованно взмахнул руками и поднялся — он подобного не понимал, это было слишком сложно! Если кто-то хочет обижаться и придумывать обиду там, где ее нет — это его право, Фэн Жун не хотел терзаться из-за этого. Решив так, он решительно отбросил переживания: размышления заняли у него времени меньше, чем требовалось, чтобы сгорела палочка благовония.

Даос Ян остался дожидаться возвращения Пятого принца: от резкого движения Фэн Жуна он вздрогнул и спросил прежде, чем подумал об этом:

— Господин куда-то уходит?

— Хочу немного прогуляться по городу до темноты, — отозвался Фэн Жун. Сказав так, он взглянул на Куаня: тот тут же отправился во внутренние покои, чтобы принести теплую одежду. Сегодня был пятнадцатый день месяца, выходной в зале собраний, потому для Фэн Жуна это был единственный свободный день. На его лице появилось мечтательное выражение: — Хочу присмотреть какие-нибудь интересные вещицы...

— Для Первой принцессы? — вновь спросил даос Ян. Фэн Жун нахмурился:

— Твое какое дело? Это касается лишь меня и Ее Высочества: или ты предложить что-то хочешь, раз влезаешь?

Ян Вэньян покачал головой: его белоснежная борода от движения затряслась, словно от ветра. Даос Ян несколько лет оставался в столице, подле Пятого принца, но ко многим правилам приличий относительно господ все еще относился с пренебрежением: там, где иные слуги бы теперь замолчали, он вдруг, вспомнив что-то, задумчиво сказал:

— Хотя, если господин Фэн спросит, я смогу что-то посоветовать.

Фэн Жун фыркнул:

— Разве сможет заклинатель придумать что-то, что понравилось бы принцессе? — но тут же уточнил. — Что там?

Даос Ян приблизился на шаг, словно хотел открыть тайну, и заговорил вкрадчивым голосом: из-за присущей старикам хрипоты казалось, словно он действительно рассказывает что-то необыкновенное.

— Несколько лет назад, еще живя в секте, я праздновал свой день рождения: тогда Его Высочество преподнес мне одни чудные благовония, привезенные из столицы. Они успокаивали ум и сердце, а пахли словно мокрый нефрит и чайные листья. Тот запах был

легким, но незабываемым: я по глупости скурил всю пачку за несколько дней, а когда прибыл сюда — понял, что такая покупка мне не по карману. Однако для Ее Высочества этот дар может быть хорош.

— Даже самые дорогие благовония для императорской семьи ничто и на взятку не годятся, а если Ее Высочеству понравится — воскуривая их она будет вспоминать дарителя, — вполголоса рассуждал Фэн Жун, задумчиво потирая подбородок. — Кроме того, подарок будет означать, что я волнуюсь о душевном спокойствии принцессы и желаю ей благополучия — ничего кроме, — юноша довольно улыбнулся. — Прекрасная идея!

— Это Его Высочество подарил мне их когда-то, его и нужно благодарить, — скромно ответил Ян Вэньян.

— Как называются эти чудные благовония?

— Этого я не помню... — на мгновение замешкавшись, ответил даос Ян, но тут же воспрямился: — Однако запах я запомнил хорошо: если почувствую их — тут же узнаю!

Фэн Жун стукнул кулаком по ладони:

— Тогда так поступим: завтра ведь ты остаешься в поместье? Днем я приеду за тобой и вместе съездим в лавку благовоний. Купим подарок и вернемся: в это время господин Ли будет занят с учителем, потому твоя помощь ему не потребуется.

Ян Вэньян задумался на миг, но очень уж ему хотелось отрешиться от скучного поручения Пятого принца и побывать с молодым господином в дорогой лавке — потому он с радостью согласился.

Таким образом следующим утром, когда Юань Яо пришел к господину Ли, даос Ян тихо покинул Сад камелий, предупредив об этом служанок. Фэнцзи посмотрела на него осуждающе — но с желанием своего господина спорить не могла, потому лишь молчаливо проводила уходящих мужчин взглядом.

Одна из самых богатых во всей столице лавок, где можно было найти благовония на любой вкус, находилась на главной улице: с порога можно было рассмотреть крыши императорского дворца. Когда Фэн Жун и даос Ян вышли из повозки, их встретили улыбчивые слуги в одинаковых коричневых одеждах с неброской круглой вышивкой на груди и плечах, и проводили внутрь. Молодого господина Фэна быстро узнали, потому провели сквозь зал с другими покупателями в отдельную комнату и подали чай. Слуга сообщил, что скоро к молодому господину придет хозяйка, чтобы его обслужить.

Усаживаясь на широкое кресло, на спинке которого искусно был вырезан цветок лотоса, даос Ян, понизив голос, спросил:

— Этим местом управляет женщина?

— М-м, да, — ответил Фэн Жун. — Попробуй чай: его привезли с южных границ. Подавать такой в резиденции принца могло бы послужить неуважением к Императору, но оценить вкус хотя бы раз в жизни стоит.

— Это владения ее семьи? Ничего, что делами управляет лишь молодая госпожа?

— Она не молодая и сама привела лавку к процветанию. Упорству у нее поучиться следует нам

всем. И вообще, негоже обсуждать людей за их спинами: все, что тебе нужно знать, это что в своем деле она мастерица, — строго сказал Фэн Жун и даосу Яну осталось опустить глаза к расписным чашкам. Обычно он ходил всюду с Пятым принцем: тот мог казаться отстраненным, но рассказывать о людях вокруг любил, потому Ян Вэньян не боялся спрашивать. Вне своего поместья Фэн Жун оказался неожиданно куда более сдержанным.

Прошло совсем немного времени и пар от чашек еще не успел раствориться в ароматном воздухе, когда жемчужный занавес изящно открыла бледная рука. На большом и указательном пальцах красовались перстни с темными камнями, а мизинец и безымянный скрывали серебряные хучжи: вслед за пальцами появилось широкое запястье, а после и сама хозяйка лавки. При виде ее Фэн Жун улыбнулся и встал: даосу Яну пришлось подняться за ним следом. Из-под седых бровей Ян Вэньян поглядывал на хозяйку: ею оказалась высокая, широкая в плечах женщина в дорогих одеждах. Ее черное ханьфу было плотно запахнуто под самое горло, воротник и манжеты расшиты серебряной нитью, а с широкого пояса свисали нефритовые подвески и мешочки с благовониями. Волосы хозяйки были убраны от лица и забраны в тугую прическу, которую украшали лишь несколько шпилек с цветами сливы и вишни.

Весь ее вид воплощал в себе строгость и холодность, однако, когда темные глаза хозяйки, мутные, словно речная вода, обратились к Фэн Жуну, она слабо улыбнулась.

— Господин Фэн, — низким голосом сказала женщина и, сложив у живота руки, легко поклонилась. — Для любого торговца честью будет ваш визит: эта служанка рада вас видеть.

— Поднимитесь, госпожа, — улыбнулся Фэн Жун в ответ. — Я должен повиниться, что пренебрегал встречами раньше. Надеюсь, госпожа найдет в своем сердце милосердие простить меня.

— Вам не за что извиняться, — спокойно ответила хозяйка. Она прошла в комнату в сопровождении двух служанок и заняла место напротив Фэн Жуна и Ян Вэньяна. Глаза женщины были подведены черной тушью и под ними залегли глубокие тени, отчего казалось, будто хозяйка плакала. Дождавшись, пока Фэн Жун сядет, она спросила: — Благовония, что в прошлый раз мы подобрали для матушки Сяоху, пришлись ей по душе?

— Да, бабушка осталась довольна, — ответил Фэн Жун. — Она очень полюбила этот аромат и приказывает воскуривать его только по праздникам, чтобы сохранить подольше. Даже сестра, что обычно не любит резких запахов, сказала, что те благовония очень приятны.

Хозяйка опустила глаза:

— Эта служанка рада это слышать, — тут же она посмотрела на Ян Вэньяна: с долей едва проглядывающего сквозь усталость интереса: — Между тем, господина Фэна можно поздравить с дружбой с почтенным мастером.

— Этот даос не смеет, — тут же ответил Ян Вэньян, кланяясь: — Моя фамилия Ян, сегодня я сопровождаю молодого господина.

— Приятно познакомиться, даочжан Ян, — склонила голову хозяйка.

— Госпожу зовут Ван Сяолун, — быстро представил Фэн Жун и тут же рассказал. — Сегодня мы прибыли, чтобы найти одно удивительное благовоние и лишь даос Ян помнит, как оно должно пахнуть. Мы не знаем названия, но даос Ян опишет его — в остальном этому скромному человеку остается лишь полагаться на вас, госпожа Ван.

— Эта служанка сделает все, что в ее силах, чтобы помочь молодому господину, — ответила хозяйка и тут же прозорливо уточнила: — Это подарок?

— Так и есть, — улыбнулся Фэн Жун.

— Кому-то особенному, — не спросила, но уверенно сообщила госпожа Ван. Тут же она с улыбкой пояснила: — День рождения матушки Сяоху и барышни Сяолин давно прошли, как и молодой госпожи Чэнхуа: для подарков всем остальным господин Фэн отправляет обычно слуг — неужели в скором времени столица оденется в красные цвета?

Фэн Жун смущенно закашлялся:

— Н-нет-нет, дело вовсе не в этом. Я лишь хочу выразить уважение и признательность во многих делах...

— Эта служанка не станет над вами смеяться или распространять странных слухов, — уверила госпожа Ван. — Господин Фэн может мне довериться.

Подумав мгновение, Фэн Жун выпрямился, словно это должно было придать ему уверенности, и твердо сказал:

— Это подарок для Первой принцессы.

Госпожа Ван удивленно ахнула, прикрыв рукавом рот. Удивлялась или улыбалась она, выражение ее лица оставалось почти неизменным — однако Ян Вэньян видел, что женщина действительно приятно удивлена и пребывает в приподнятом расположении духа: кажется, такие истории ей нравились.

— Так слухи, гуляющие по столице, верны, — сказала госпожа Ван. Фэн Жун уточнил:

— Что говорят люди?

— Что молодой господин обладает вкусом настолько придирчивым, что отверг всех красавиц столицы и лишь Первую принцессу посчитал равной себе. Слухи гласят, что несмотря на свой возраст Первая принцесса очарована молодым господином Фэном, и они днями напролет щебечут друг с другом в саду, словно феникс и луань, и лишь поздней ночью нехотя расстаются, — рассказала госпожа Ван. Удивительным образом, пусть говорила она не самые приятные вещи, ее глубокий голос успокаивал, а улыбка смягчала грубые слова, превращая их в похвалу и гордость. — Некоторые даже придумывают, что в один из вечеров самому Императору пришлось выйти в сад, что разогнать вас, поскольку разговоры мешали спать всему Запретному городу.

— Это неправда! — возмутился Фэн Жун. — Пусть гадкий клеветник скажет мне это в лицо, чтобы я самолично вырвал ему язык!

— Не нужно гневаться, — мягко ответила госпожа Ван. — Люди всегда придумывают всякое, а что у вас, что у Первой принцессы репутация неоднозначная. Конечно, пойдут безобразные слухи. Однако я за вас искренне рада, — с улыбкой продолжила женщина. — Если Ее Высочество дарит радость и успокоение вашему сердцу, я желаю, чтобы вы с ней в самом деле уподобились уткам-мандаринкам.

— Спасибо за ваши слова, — тут же умерив гнев и смутившись, ответил Фэн Жун. Чтобы скрыть неловкость, он беззлобно пожурил: — Но не стоит говорить такого: все же Ее Высочество —

дочь Императора. Если кто-то услышит, вас могут неверно понять.

— Что мне чье-то непонимание? — слабо улыбнулась госпожа Ван и тут же обратилась к даосу Яну: — Эта служанка сделает все, чтобы разыскать нужное благовоние. Расскажите, как оно пахло?

Ян Вэньян подробно рассказал все, что помнил о благовонии, и госпожа Ван, назвав на память несколько названий, отправила за ними служанку. Несмотря на отрешенный нрав и усталость, она с удовольствием посматривала на Фэн Жуна, что, смущенный ее прошлыми словами, все еще хранил в чертах неловкость, но и нежность.

До самого вечера трое выбирали благовония, пока их одежда и волосы не пропахли ими до самого основания. Каждый предполагаемый вид поджигали и давали понюхать Ян Вэньяну, который единственный знал верный запах. Пусть прошло уже несколько лет с того раза, как даос последний раз слышал его, тот плотно въелся в память. Много раз за этот вечер к госпоже Ван подходили разные люди, чтобы спросить о делах лавки и получить задания: она давала им мягкие, но решительные указания и отсылала, сама ни на мгновение не отлучаясь от дорогих гостей.

Когда искомый запах наконец был найден, все трое чувствовали себя удовлетворенными. Благовоние действительно имело аромат нежный и благородный, как нельзя лучше подходящий уточненным покоям Первой принцессы. Фэн Жуну даже показалось, что и от самой девушки пахнет похоже — этот запах должен был прийтись ей по душе.

В зале лавки двое тепло попрощались с госпожой Ван: она не могла больше откладывать дела и отправила слугу проводить молодого господина. На прощание она вновь пожелала Фэн Жуну удачи в любовных делах, а даосу Яну сказала, что всегда будет рада видеть его здесь.

— Вручите подарок в течение нескольких дней, — передавая слуге продолговатую коробку, наставляла госпожа Ван. — Благовония упакованы хорошо, но без специального хранения могут выдохнуться или отсыреть — такого допустить нельзя.

— Благодарю за вашу помощь, — с искренней улыбкой ответил Фэн Жун. Распрощавшись, он в легком расположении духа вышел на улицу, чувствуя, что этот день, пусть ему и не удалось пообщаться с Первой принцессой, вышел замечательным. Даос Ян думал так же:

— Госпожа Ван словно соседская тетушка, которая любит обсудить чужие дела, но всегда тебя поддержит, — сказал он у повозки. — Удивительно, что я не знал о ее доброте раньше.

— Если хорошо обращаться с людьми, то и они будут добры к тебе в ответ, — ответил Фэн Жун. — Кроме того, не ты ли в начале спрашивал, как женщина одна может управлять лавкой? Все думают в начале как ты, потому предвзяты, и узнать ее получше никто не хочет. Это печально, — юноша покачал головой и тут же легко ткнул в плечо Куаня, который замер у повозки, смотря в сторону, и загоразивая господину проход: — Ты чего, уснул?

Мужчина тут же встрепенулся и отвел взгляд. Фэн Жун, однако, успел проследить за ним: повозка семьи Фэн остановилась чуть в стороне от дверей лавки и отсюда видно было, как за углом замерли двое людей. Молодой человек в богатых одеждах говорил со служанкой в форме лавки госпожи Ван. Даже отсюда было заметно, как девушка прячет глаза и испуганно прижимает к груди руки: она пыталась уйти, но юноша выставлял руки, загоразивая ей проход. Его пальцы не касались одежд служанки, но она от него шарахалась, словно молодой человек был объят пламенем.

— Что это там? — спросил Фэн Жун и слуга, который вышел проводить его, пояснил:

— К Яньлинь пришел молодой господин Мин, — сказал он и тут же покачал головой. — Молодой господин — важный человек, к тому же ничего плохого не делает, только разговаривает с Яньлинь, потому мы не можем вмешаться. Однако, если не отстанет, придется звать хозяйку — отвлекать работницу от лавки тоже нельзя.

Фэн Жун нахмурился: он сразу понял, о каком господине идет речь. Мин Цзе был одним из самых молодых и достойных внимания господ партии Третьего принца. Он появился подле Его Высочества будто бы из неоткуда и работал упорнее императорских министров, однако Фэн Жуну всегда напоминал нечистую на руку изворотливую крысу.

За мгновение Куань понял мысли своего молодого господина, но не успел удержать его, когда Фэн Жун сделал шаг вперед, строго окрикивая:

— Эй! — Мин Цзе не понял вначале, что зовут его, а вот во влажных глазах девушки, что он зажал у стены, появилась надежда. Фэн Жун позвал еще раз, приблизившись: — Молодой господин Мин, обратите внимание на этого простого человека!

Мин Цзе только теперь обернулся, глядя искренне удивленным. Он был на несколько лет моложе Фэн Жуна, приходясь ровесником Фэн Диши, однако молодой господин не желал его недооценивать. Этот человек уже добился хорошего положения, потому Фэн Жун обращался с ним как с равным.

Юноша улыбнулся:

— Господин Мин, рад видеть вас здесь. Неужели вы тоже пришли за благовониями?

— Н-нет?.. — неловко ответил Мин Цзе. Он словно не ожидал, что кто-то к нему обратится, но, быстро собравшись, поприветствовал Фэн Жуна полагающимся поклоном, вернув лицу почтительное выражение: только глаза виновато бегали.

— Тогда почему же вы пристали к служанке? — все с той же улыбкой спросил Фэн Жун. Они находились на улице, а говорил молодой господин нарочито громко — прохожие и торговцы стали оглядываться на происходящее, и Мин Цзе заметно занервничал.

Он неловко рассмеялся:

— Господин Фэн, верно, понял что-то не так: мы с Яньлинь хорошо знакомы и я лишь подошел поболтать...

— Отчего же тогда в глаза девушки стоят слезы? — открыв истинное, грозное выражение лица, спросил Фэн Жун. Голос его звучал сурово. — Если вы ее знаете — отчего она хочет уйти? Неужели вы угрожаете ей? Принуждаете к чему-то? Если в горах нет тигра, царем становится обезьяна?

Собирающаяся толпа согласно загудела: всем давно было известно о дурном нраве Третьего принца, которому никто не мог сказать слово против. Ведь кто приструнит возможного наследника? Однако то, что безродный слуга принца стал приставать к честным людям — этого никто терпеть не хотел. К тому же, рядом оказался господин Фэн: если бы простые люди принялись осуждать Мин Цзе, то Третий принц мог бы свести с ними счеты, но теперь ответственность на себя будто негласно брал Фэн Жун — Куань рядом с ним в душе обливался кровавыми слезами.

Мин Цзе испуганно отступил от девушки:

— Господин Фэн, вы все неправильно поняли...

— Объясните же мне, что я понял не так, — грозно спросил Фэн Жун. — В темном углу вы и несчастная девушка, что не может и закричать от страха — или мои глаза меня обманывают?

— Мы в самом деле знакомы... — попытался оправдаться Мин Цзе, но толпу вокруг было уже не остановить. Никто не решался приблизиться к нему, но со всех сторон сыпались обвинения в распутстве его и Третьего принца. Мин Цзе некоторое время пытался оправдываться, бормоча что-то про «знакомство» и «простой разговор», но Яньлинь не желала ему подыграть, замерев у стены и опустив взгляд.

Наконец поняв, что с обвинениями ему не справиться, Мин Цзе скомкано извинился, попрощался с Фэн Жуном и поспешил скрыться через расступившуюся перед ним толпу. Люди вслед ему смотрели осуждающе и качали головами, и каждый чувствовал, что поборолся сегодня со злом и защитил честь несчастной служанки. Еще долго на улице ходили пересуды об этом, обрастающие все большим и большим приукрашиванием — говорили, что Фэн Жун приказал толпе даосов поколотить Мин Цзе, и гнал его до самой резиденции Третьего принца, где злодей спрятался, — а пока Яньлинь торопливо утерла глаза и поклонилась спасителю.

— Благодарю господина Фэна, — голосом нежным, словно журчание ручья, сказала девушка. Она была очень хороша собой и отлично воспитана, потому в душе Фэн Жун испытал к Мин Цзе еще большее отвращение. — Если бы не вы, я бы и не знала, что делать сегодня...

— Он приходит каждый день? — спросил Фэн Жун.

— Несколько раз в неделю, — комкая в руках платок, ответила Яньлинь. — Он требует меня, а после донимает разговорами, но я совсем не знаю, что ему надо — а уйти не могу...

— Вы в самом деле знакомы? — уточнил молодой господин и девушка затрясла головой: аж тугие пучки у ее ушей возмущенно затрепетали.

— Мы встретились впервые около года назад и тогда перебросились лишь парой слов — некоторое время назад он начал приходить часто и говорить мне... говорить... — Яньлинь замялась, смущаясь продолжить. При взгляде на нее смутное ощущение возникло в душе Фэн Жуна и он почти ухватил его, придя в волнующему осознанию — но девушка смогла продолжить: — Он говорит разные бесстыдные вещи...

Тут же вспыхнув гневом, Фэн Жун начисто забыл то, о чем он только что думал. В его душе, впервые тронутой нежным чувством влюбленности, не умещалось осознание того, что кто-то может вести себя подобным омерзительным образом. Молодой господин Фэн еще больше уверился, что все в ставке Третьего принца — подлецы и негодяи, и всю дорогу до поместья под молчаливое одобрение даоса Яна последними словами ругал Мин Цзе.

Маленький театр:

Братец Шэнь: Расскажите, что для вас бесстыдство?

Фэн Жун: Так нагло приставать и преследовать девушек - верх бесстыдства!

Ли Инчунь: Не слышать слов другого и делать все по своему - очень бесстыдно.

Фу Ичжэнь: Ну, пожалуй *** и *** после *** или вставить *** вдвоем *** *** ***. Хотя, конечно, вкусовщина.

Внимание! Этот перевод, возможно, ещё не готов.

Его статус: идёт перевод

<http://bllate.org/book/17230/1712918>